

На рубеже

литературно-художественный
и общественно-политический журнал

2

1949

„КАЛЕВАЛА“ И ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ КАРЕЛЬСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

В. Есеев

Карельский народный эпос вошёл в сокровищницу мировой литературы благодаря осуществлённому сто лет назад полному изданию «Калевалы». В дни столетнего юбилея этого изумительного творения карело-финского народа уместно подчеркнуть неразрывную взаимосвязь между литературным оформлением «Калевалы» и многовековой устной эпической традицией. Утверждение такой взаимосвязи в настоящее время тем более необходимо, что в реакционных кругах финляндских фольклористов заметна тенденция отрицания возможности такой взаимосвязи. Опубликованная в 1948 году докторская диссертация финского филолога В. Кауконена «Kalevala ja todellisuus» («Калевала и действительность») является в этом отношении наиболее показательной.

Согласно его концепции, взятой напрокат у Канта, Юма и Беркли, и только внешне обновлённой на удивление непоследовательно соединёнными новейшими философскими «измами», — субстанция (в данном случае субстанция «Калевалы») никогда не будет познана и даже можно сомневаться в её существовании, поскольку она вне наших субъективных представлений о «Калевале» — и суть ничто.

Идеалистическому утверждению

В. Кауконена о мистической по своей двусмысленности, якобы объективно непознаваемой взаимосвязи между древней устной поэзией и литературным вариантом «Калевалы», — необходимо противопоставить нашу диалектико-материалистическую концепцию о взаимовлиянии устной и литературной эпической традиции друг на друга, сказывающемся прежде всего на композиции рун «Калевалы».

На композицию «Калевалы» вполне закономерно повлияла уже давно наметившаяся у карельских сказителей тенденция к циклизации разных по сюжету эпических песен в сводные руны. При этом нет надобности напоминать о том, что и сама «Калевала» по своему содержанию состоит из таких эпических песен, оставаясь, таким образом, карельским народным эпосом. Подобный подход к изучению «Калевалы» проливает подлинный свет и на проблему обратного влияния «Калевалы», как памятника мировой культуры, на устное эпическое творчество карело-финского народа и, в частности, на эпические новообразования карельских сказителей на советскую тематику.

Задача, стоящая перед нами, облегчается тем, что к проблемам «Калевалы» подходили не только вели-

кий пролетарский писатель А. М. Горький,* но и такие советские учёные как академик И. И. Мещанинов.** В их трудах «Калевала», как памятник мировой литературы и как устно бытующий народный эпос, рассматривается в диалектико-материалистическом проявлении двух сторон одного и того же явления. В них говорится о «Калевале», как о результате коллективного творчества народных масс и отмечается её историко-познавательное значение.

Пионерами творческого осмысления литературно-канонизированного текста «Калевалы» и контаминации, т. е. сочетания олитературенных вариантов её рун с устной эпической традицией, были во второй половине XIX века северно-карельские сказители В. Лесонен из села Суднозеро и Е. Богданов из дер. Кондока. Они слышали карельские эпические песни и от своих односельчан, наслаивались их и далеко за пределами околицы своей деревни. Но как счастливое исключение для дорезолюционной тёмной и забитой карельской окраины, В. Лесонен и Е. Богданов были грамотными и, читая засаленные экземпляры «Калевалы», они воссоздали новые версии карельских эпических песен, явно носящие на себе печать литературного влияния. Однако под гнётом капитализма, проникающего в карельскую деревню, не располагающего к поэтическому творчеству, ни В. Лесонен, ни Е. Богданов не были способны идти дальше по пути сознательной переделки устной эпической традиции.

* М. Горький. Разрушение личности. Сборник статей. Изд. «Парус» 1916 г., стр. 10.

** И. И. Мещанинов. Статья в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9-10 за 1934 г., стр. 20.

На этот путь в эпоху социалистического переустройства карельской деревни встал уже не один певец рун северной Карелии. Высокий уровень грамотности карельского населения, успехи в деле коммунистического воспитания широких народных масс приводят к стиранию пережитков идеологического различия между устной народной поэзией и художественной литературой. В этих условиях наиболее талантливые карельские сказители стремятся шагнуть в ногу с советскими писателями, пытаются слить свои усилия с их творческими изысканиями на путях дальнейшего развития подлинно-народной художественной литературы.

Новые версии карельских эпических песен, возникшие на основе литературного влияния «Калевалы» уже во второй половине XIX века, благодаря их устному бытованию, постепенно сами становились традиционными. Таким образом у ряда карельских сказителей можно отметить не только сохранение многовековой устной эпической традиции; отдельные певцы рун (в частности, колхозники д. Ухта, района Калевалы — кузнец Кирилл Гауринен, сказительницы Мария Михеева, Евдокия Липкина) усвоенные ими через устную передачу из поколения в поколение варианты рун сочетают с отдельными эпизодами, которые попали в «Калевалу» из записей, произведённых в других местностях бытования карело-финского эпоса, или же привнесены в «Калевалу» её составителем Э. Лённрутом. Именно современные певцы рун, ориентирующиеся на такой сознательный подход к исполнению карельских эпических песен, оказались на основе наблюдений над советской действительностью способными воспеть в новых рунах героизм наших дней.

Но прежде чем перейти к вопросу о влиянии «Калевалы» на современное устное народное творчество карельских сказителей, необходимо, для установления закономерности новых форм эпоса, остановиться на отдельных случаях влияния литературного текста «Калевалы» на карело-финские традиционные эпические песни.

Частичному влиянию литературного текста «Калевалы» подвергалась даже устная эпическая традиция таких карельских сказителей, которые, в виде исключения, остались неграмотными и, активно владея огромным эпическим материалом, устно воспринятым от отцов и дедов, полностью не осознали тех широких возможностей, какие открываются перед ними при умелом сочетании традиционных эпических песен с их литературными версиями в «Калевале».

В качестве характерного примера обратного влияния «Калевалы» на традиционную устную народную поэзию отметим случай с балладой о самоубийстве девушки Анни. Если народная версия этой песни соблазнителем девушки Анни называет Калевайнена — Осмонена и если, согласно всем вариантам этой песни, связанным с устной традицией, огорчённая девушка повесилась у себя в кладовой, — то в «Калевале» из композиционных соображений Лённрут повествует о старом Вайнямёйнене и сестре юного Еукахайнена — молодой девушке Айно, утопающей в море, с тем, чтобы в последующих рунах «Калевалы» появиться в качестве подводной девы Велламо, которую так неудачно ловит старый Вайнямёйнен. В сюжетном отношении почти так же выглядят варианты этой песни-баллады в записи от современных северно-ка-

рельских сказительниц Марии Михеевой и Евдокии Липкиной, в чём, безусловно, сказывается обратное влияние «Калевалы». Олитературенные варианты М. Михеевой и Е. Липкиной сильно отличаются от других, примыкающих к устной народной версии, вариантов старой и новой записи песни-баллады о самоубийстве девушки Анни.

Примером неосознанного влияния «Калевалы» на эпическую традицию может служить и вариант руны о поимке девы Велламо, появляющейся в личине лосося, записанный от ныне здравствующей престарелой колхозницы-рыбачки Татьяны Алексеевны Перттунен, правнучки знаменитого рунопевца Архипа Перттунена, эпические песни которого легли в основу «Калевалы». У прославленного прадеда сказительницы ловцом девы-лосося изображён весёлый Лемминкяйнен. В «Калевале» финский поэт Элиас Лённрут использовал другую версию этой руны, согласно которой деву Велламо ловит старый Вайнямёйнен, однако, вопреки этой версии Лённрут отказался от контаминации, т. е. соединения этого сюжета с сюжетом руны об изготовлении музыкального инструмента кантеле. В данном случае Лённрут следовал варианту Архипа Перттунена, который также избегает подобной контаминации. В «Калевале», как и у А. Перттунена, руна о кантеле даётся в иной связи. Таким образом, «Калевала» лишь частично поддержала версию, согласно которой деву-лосося ловит старый Вайнямёйнен. Следуя этой, всё более опирающейся на «Калевалу», традиции, Татьяна Алексеевна Перттунен, вопреки версии своего прадеда, изображает ловцом девы Велламо не весёлого Лемминкяйнена, а песнопевца Вайнямёйнена, но в то же время, в

силу влияния «Калевалы» сказительница отказывается от обычной для других сказителей контаминации этого сюжета с руной об изготовлении кантеле.

Аналогичное влияние «Калевалы» сказалось и на факте появления руны об освобождении солнца не только в репертуаре Т. А. Перттунен, но и у других современных северно-карельских сказителей, в частности, у Кирилла Гауринена и Марии Михеевой. Устная народная традиция северной Карелии знает лишь несколько фрагментов этой руны, в которых совершенно отсутствует свойственная «Калевале» сюжетная разработка темы об освобождении солнца. В данном случае современные северно-карельские певцы рун испытывали на себе обратное влияние литературного варианта этого сюжета «Калевалы». От ухтинского кузнеца Кирилла Гауринена записан в 1934 году вариант наиболее полный и близкий к соответствующей руны «Калевалы». Татьяна Перттунен и Мария Михеева более лаконичны, сюжет в их вариантах развёртывается динамичнее, причём у Марии Михеевой намечается соединение мотивов похищения солнца и Сампо.

* * *

Возникшая в результате обратного влияния «Калевалы» на устную народную традицию тенденция к слиянию вариантов карельских эпических песен с литературной версией «Калевалы» в какой-то мере подготовила современных карельских сказителей к творческим исканиям по пути создания эпических песен на советскую тематику.

Однако, взаимосвязь устной и литературной традиции «Калевалы» прежде всего обусловлена тем, что даже у носителей традиционного эпоса новая советская эпическая песня возникает в совершенно но-

вых условиях жизни социалистического общества, из потребностей этой жизни, а не на основе традиции, которая лишь подготавливает сказителя к поэтическому восприятию действительности. Хотя в отдельных случаях при складывании новых эпических песен у карельских певцов рун и наблюдается частичное использование некоторых наиболее жизнеспособных образов из старых песен, однако, в самом факте возникновения эпических новообразований уже дано качественное изменение традиционных образов песни, приводящее к контрасту между старым и новым.

Разнообразны формы частичного использования элементов традиционного эпоса тех эпических произведений на советскую тематику, которые в процессе жизненных наблюдений художника слова складываются карельскими сказителями — колхозниками Карело-Финской ССР. Поиски гармоничного сочетания формы и содержания у карельских сказителей не всегда увенчивались успехом, были у них на этом тернистом пути и некоторые срывы. Северно-карельским певцам рун чаще удавалось создать созвучное великой Сталинской эпохе лиро-эпическое произведение советского фольклора в значительной мере потому, что они владеют государственным в Карело-Финской ССР финским языком, грамотны на нём и умеют критически осмыслить различие между устной эпической традицией и «Калевалой», как поэтическим памятником.

Значительно труднее былоложение тех престарелых сказителей-колхозников, которые оставались неграмотными. Наиболее талантливые из них, владея богатой устной эпической традицией, способны взглянуть глазами художника на нашу героическую действи-

тельность, не чуждо им и творческое вдохновение.

Однако, невольно замыкаясь в своей устнопозитической скорлупе, не имея постоянной возможности следить за тем, как другие мастера слова использовали наследие старого в целях создания нового, такие карельские сказители с трудом преодолевают довлеющую над ними силу традиционных фольклорных образов и иногда неудачно используют их в своих лиро-эпических импровизациях на светскую тематику.

Справедливо, хотя и несколько трафаретно, олицетворяя в образе кузнеца советских людей, ковавших в тылу, на трудовом фронте, и на поле брани в боях с неприятелем, победу над гитлеровскими полчищами, престарелая южно-карельская сказительница-колхозница Анастасия Никифорова (Петровский район республики) в первом варианте своей песни «От Сталинграда до Берлина» неосновательно сопоставляет советского кузнеца с хорошо знакомым ей по устной эпической традиции героем «Калевалы» — вековечным кузнецом Ильмариненом, в то время как мы ожидали бы от сказительницы противопоставления этих двух образов. Во втором варианте этой песни, исполненном в день Победы в 1946 году на одной из площадей Петрозаводска, певица рун остановилась на полпути, до желательного противопоставления этих образов так и не дошла. Необходимо признать, что в отдельных неудачах карельских сказителей повинны и мы — советские фольклористы, не уделяющие должного внимания их творческому росту.

Иначе обстоит дело у северно-карельской сказительницы Марии Михеевой. Изображая работу трактора на колхозных полях, сказительница

с помощью своеобразного поэтического контраста рисует горн кузнеца Ильмаринена, как художественный прототип тракторного завода. В песне Марии Михеевой о карельских электропилищиках сплавщик шутивым тоном говорит о том, что пятисажённые багры «ковал кузнец прилежно, Ильмаринен изготовил», сплавщик обращается к второстепенному персонажу «Калевалы» — властителю вод Ахто с просьбой отнестись благосклонно к этим пятисажённым баграм, просит его поднять уровень воды на сплавной реке, к самому багру сплавщик обращается с просьбой быть прилежным в труде. Лесорубы-электропилищики в этой песне М. Михеевой называются сынами Калевы, родоначальника героев «Калевалы».

В этой краткой песне, объёмом всего в 65 стихов, сказительница своими образами, метафорами, сравнениями всесторонне вводит слушателя в мир рун «Калевалы», придавая своему фольклорному произведению особую эпическую торжественность повествования, которую певица рун не в состоянии создать другими, недоступными ей поэтическими средствами. Однако, с другой стороны, в той же песне реалистическими штрихами изображается, как в лес —

«...электропилищик вышел,
Чтоб валились сосны, ели,
С серебристыми стволами.
Лесорубы с топорами,
Пилищик со стальной пилой
Валят лес для новостроек,
Брёвна длинные для срубов.
Валят лес сыны Калевы,
Пилат славные герои...
Трактор к берегу подвозит —
К речке лес везёт для сплава...
А затем сплавляют брёвна
По реке Кеми плотами,
Чтобы их на лесопилки —
На завод вести для строек...»

Участие женщины на лесозаготовках, картина сплава на порожи-

стой реке Кемь и ряд других штрихов не ускользнули от пытливого взора престарелой сказительницы-поэтессы.

Почти во всех, как неопубликованных, так и напечатанных в республиканской газете «Тотуус» песнях М. Михеевой используются те или иные образы рун «Калевалы». В её песне, посвящённой всенародному празднику — Первому Мая, говорится о карельском музыкальном инструменте:

«Эхо по всему народу
Звуки кантеле разносит —
По полям земли советской,
По полянам Калевалы».

В песне о Сталинской Конституции и дружбе народов М. Михеева обращается со словами благодарности к Сталину — вождю родному, который

«Все границы успокоил,
И свободу обеспечил
На дворах страны Похьолы,
На дубравах Калевалы,
В дорогом Карельском крае,
На земле широкой русской».

Песня же М. Михеевой о новом Сампо повествует о том, как усилиями строителей коммунизма превращается в действительность мечта о Сампо, о чудесной мельнице-самомолке, образ которой в рунах «Калевалы» отражает чаяния и ожидания народные, о счастливом будущем человечества.

«Вышло солнце из-под тучи,
И из тьмы поднялся месяц,
Новое явилось Сампо
И молоть зерно принялось.
Стало белый хлеб готовить.
Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на север,
Что родилось снова Сампо,
Что пришло к народам счастье.
Радио несло те вести,
И газета разносила».

Тут мы видим, что возникший

под влиянием «Калевалы» вариант руны Михеевой об освобождении солнца и Сампо, в свою очередь, повлиял на возникновение её новой советской песни о новом Сампо, олицетворяющем завоёванное в боях народное счастье.

Независимо от варианта М. Михеевой возникли песни о новом советском Сампо, записанные от северно-карельской сказительницы Е. Хямяляйнен (район Калевалы) и южно-карельского сказителя-колхозника Минина (Ведлозерский район). Первая из них конкретизирует свою тему о Сампо примерно так же, как и М. Михеева. Второй повествует о борьбе за новое Сампо в свете борьбы советского народа против гитлеровских захватчиков.

Влияние вариантов рун «Калевалы» на произведения современных карельских сказителей сказалось не только на творчестве вышеупомянутых сказителей, но и в песнях на советскую тематику, записанных от целого ряда других северно-и южно-карельских певцов рун «Калевалы»: от Татьяны Перттунен (район Калевалы), Анны Киброевой (Пряжинский район), Парасковьи Ивановой (Ведлозерский район) и других.

Итак, сохраняя в своей памяти традиционные руны «Калевалы», наиболее талантливые карельские народные певцы поэтически наблюдают советскую действительность и, активно участвуя в социалистическом строительстве, продолжают в наши дни создавать новые произведения о героических делах нашего народа. В этой творческой работе они используют жизнеспособные элементы, из уст в уста, из поколения в поколение передаваемых вариантов рун «Калевалы» в её литературной версии. При таком использовании элементов старого для создания прекрасного нового, фольклор

окончательно выходит на столбовую дорогу общего развития устной народной поэзии и художественной литературы. Выступая в новом качестве литературной самодеятельности народных масс, устное народ-

ное творчество на этих путях изживает в себе остатки своего бывшего идеологического отличия от художественной литературы и начинает составлять вместе с ней единую общенародную литературу.